

Глава 29. Возвращение домой

Под прицелом множества взглядов Мин Хаоин почувствовал, как кровь приливает к лицу, а дыхание становится тяжёлым. Но он всё же заставил себя сохранять невозмутимый вид, стараясь казаться образцом праведности.

— Это не более чем пустые слухи. Разумеется, я прогнал того свирепого зверя, и всё было совсем не так, как вы описываете... — процедил он сквозь зубы.

В этот миг воздух пронзил чистый, протяжный звон колокола. Перед глазами практиков проплыли золотистые облака, а в небе, расправив крылья, закружили бессмертные журавли, неся на спинах десятков небожителей.

Старейшины пиков и почтенные мужи ордена предстали перед собранием. Большинство из них были седобородыми, но сохранившими юношескую бодрость старцами, хотя встречались и те, чей облик казался совсем дряхлым. Были среди них и женщины-старейшины, намеренно сохранившие девичью красоту, но глубина их глаз выдавала вековую усталость и опыт.

Гул голосов мгновенно стих. Все замерли, благоговейно взирая на прибывших.

Глава Врат Божественного Расцвета шагнул вперёд. Его аура казалась спокойной и обыденной — признак того, что он уже достиг состояния возвращения к истине, — однако по едва заметным колебаниям воздуха вокруг него можно было ощутить невероятную мощь.

Он сообщил ученикам, что вскоре состоится великое собрание различных сект, и выразил надежду, что адепты ордена проявят себя с лучшей стороны. Хотя это состязание проводилось в основном между школами Учения Людей, мастера из Учений Перехвата и Толкования также будут пристально следить за исходом борьбы.

— Надеюсь, вы не уроните чести Врат Божественного Расцвета, — торжественно завершил он.

Когда небожители удалились, практики переглянулись, и зал снова наполнился шёпотом.

— О сектах Восточного Округа Победы Богов известно немного, а ученики ордена Высшей Чистоты всегда держатся в тени. Но ходят слухи, что Ли Хунгуан из ордена Сокровенного Духа недавно совершил прорыв и достиг стадии возвращения к пустоте.

— Он ведь совсем недавно вступил на путь! Неужели уже на стадии возвращения к пустоте?

— Я слышал от одного знакомого из их ордена, что ему улыбнулась какая-то невероятная удача, но подробностей он не раскрыл.

— Эх, когда-то И Чифэн был неоспоримым первым номером среди новичков. Жаль, что небеса так завистливы к талантам...

— Ладно, не будем об этом. Сестра Сыту, ты говорила, что на границе Центрального Божественного Округа открылась новая закусочная и еда там помогает в совершенствовании. Это правда? — спросил один из практиков.

Сыту Ибай мягко улыбнулась:

— Чистая правда. Многие наши сёстры были там со мной, да и шисюн Сью тоже может подтвердить.

— В таком случае, может, отправимся туда и всё проверим?

— Но я слышал, в тех краях бродит свирепый зверь...

— Чего бояться? Разве шисюн Хаоин только что не сказал, что прогнал его? В ближайшее время тот вряд ли осмелится показаться.

— Кхе-кхе! — Мин Хаоин внезапно зашёлся кашлем, а его лицо пошло неестественными пунцовыми пятнами.

Мягкие облака лениво дрейфовали в лазурном океане неба. Гора Небесного Императора, залитая солнечным светом, сияла изумрудной зеленью. Птицы Паосяо весело щебетали в кронах, а листва баньянов и нанму шелестела в такт их песне.

Сегодня Цзян Чаншэн проснулся позже обычного. Стоило ему выйти на порог, как птенец Паосяо, едва успевший покрыться пушком, отчаянно забил крылышками и бросился к нему, требуя ласки.

Вдалеке три зверька — его верные питомцы — обменялись кровожадными взглядами.

Дань Синьцзэ с улыбкой подошёл к нему:

— Плохо спал ночью?

Цзян Чаншэн лишь потёр виски. Стоило ему вспомнить прошлую ночь, как начинала ныть голова.

Отправив Ши Цзю восвояси, он надеялся спокойно помедитировать, но зверь Хуань вновь взялся за старое. Всю ночь напролёт он изводил лавочника своими криками. Среди ночной тишины эти вопли звучали особенно зловеще.

Хуань имитировал сотню голосов: от львиного рыка и тигриного рычания до птичьего щебета и странных, леденящих душу стонов. Он сражался с терпением Цзян Чаншэна до самого рассвета, время от времени просовывая свои чёрные хвосты под дверь, словно проверяя его на прочность.

Вопрос «чего же этой твари надо?» решился сам собой во время утренней беседы с Ши Цзю.

— Он просто заблудился, — серьёзно изрёк Ши Цзю, допивая пятьдесят вторую миску рисового отвара.

— С чего ты взял? — любопытно спросил Цзян Чаншэн.

— У меня врождённое чутьё. С первого взгляда я понял, что лавочник не причинит мне вреда, — Ши Цзю на мгновение задумался. — Именно поэтому я и сбежал из дома: я чувствую, что мой брат действительно хочет меня убить.

С того дня Ши Цзю стал частым гостем в филиале Центрального Божественного Округа, не упуская возможности подкрепиться за чужой счёт.

Цзян Чаншэн, глядя на гору пустых кадок вокруг гостя, осторожно заметил:

— Слушай... тебе не станет плохо от такого количества еды?

Ши Цзю поднял голову, и он мгновенно помрачнел.

— Неужели и лавочник теперь попрекает меня куском хлеба?.. Что ж, это логично. Такому бродяге, как я, не стоит и мечтать о пристанище.

Где-то на заднем плане зазвучала тоскливая мелодия циня — это Дань Синьцзэ решил подыграть моменту. Ши Цзю скорбно прикрыл глаза.

— Вся суета этого мира — лишь для других. А мне суждено лишь выносить вечные упрёки. Никому нет дела до моих чувств, никто не спросит, как я живу... Среди миллионов монстров и практиков я лишь случайный попутчик в собственном одиночестве...

— Всё, хватит, — Цзян Чаншэн прижал ладонь ко лбу. — Ешь сколько влезет. Лавочник был неправ, каюсь.

Он гневно обернулся к Дань Синьцзэ, продолжавшему извлекать из струн жалобные звуки:

— А ты чего подхватываешь?!

Дань Синьцзэ смахнул со щеки скупую слезу:

— Простите, лавочник. Его слова... они так отозвались в моей душе.

Цзян Чаншэн:

«...»

Ши Цзю мгновенно преобразился. Печаль как рукой сняло. Протянув пустую миску, он лучезарно улыбнулся:

— Спасибо, лавочник! Вы святой человек. Ещё девяносто две миски, и я буду сыт.

Цзян Чаншэн:

«...»

Чуть позже Цзян Чаншэн решил расспросить Мо Ци об этом странном звере Хуане.

Сегодня Мо Ци сменил наряд. Хотя одежда осталась в тёмных тонах, узоры на ней были иными — среди чернильных складок промелькнула яркая нить, напомнившая отблеск клинка в ночи.

Утром, когда он только пришёл, на его лице ещё поблёскивали капли воды. Стройный и статный, он стоял в дверях, словно воплощение легендарного меча.

— О, сменил одежду? Тебе идёт, — невзначай обронил Чаншэн.

Стоявший рядом Ши Цзю тут же встрял:

— Брат Мо Ци наверняка ранен. Те капли на лице — это он кровь смывал, — Ши Цзю умудрялся болтать, не переставая орудовать палочками. — Он всегда носит тёмное, чтобы никто не заметил, если он истечёт кровью...

— Закрой пасть, если жить надоело, — холодно бросил Мо Ци, метнув в него ледяной взгляд.

— Ой, простите, не стоило говорить правду, — Ши Цзю картинно изобразил обиду.

— Ты ранен? — удивился Цзян Чаншэн.

— Пустяки, не стоит внимания, — ответил Мо Ци.

— Обычное дело, — снова подал голос Ши Цзю. — У таких свирепых зверей, как мы, врагов полно. Мало того что великие мастера на нас косо смотрят, так ещё и сородичи вечно норовят в глотку вцепиться. А-а-а! Брат Мо Ци, если будешь меня вышвыривать, выкини и еду тоже!

Бам!

Ши Цзю в очередной раз превратился в падающую звезду на горизонте.

Цзян Чаншэн едва заметно усмехнулся. Несмотря на первоначальное недоумение, за последние дни он уже начал привыкать к их манере общения. Стоит признать, Ши Цзю обладал феноменальной живучестью — каждый раз он возвращался живым и невредимым. Впрочем, возможно, Мо Ци просто не бил в полную силу.

Убедившись, что лишние уши покинули помещение, Мо Ци ответил на вопрос:

— Хуани в основном обитают на горе Ивань. Это не так далеко отсюда.

— Надо будет вернуть его при случае, — вздохнул Чаншэн.

Так продолжаться не могло — его расшатанные нервы больше не выдержали бы еженощных концертов.

Клиентов в закусочной сейчас было немного. Ли Хунгуан и другие практики отправились на тренировки и должны были вернуться дня через два. В филиале Центрального Божественного Округа тоже было затишье, поэтому Цзян Чаншэн решил разобраться с Хуанем сегодня же.

Он заранее уточнил у системы Сяо Цан: если гости едят заранее заготовленные блюда, это всё равно идёт в зачёт заданий. Так что его отсутствие не мешает делу.

Доверив птенца Паосяо заботам Дань Синьцзэ, лавочник приготовил запас еды, убрал его в шкаф для хранения и попросил помощника присмотреть за заведением.

За последнее время Дань Синьцзэ заметно продвинулся в культивации — сказывалась и чудесная еда, и его собственное рвение. Каждый день он вставал до рассвета, чтобы попрактиковаться с мечом, а иногда даже набирался смелости просить совета у Мо Ци. Пусть

каждая такая «тренировка» заканчивалась для него синяками и ссадинами, опыт схватки с древним свирепым зверем был бесценен.

Закончив с приготовлениями, Цзян Чаншэн перед уходом кликнул своих троих питомцев. Несмотря на то что в последние дни троица вела себя тише воды ниже травы, интуиция подсказывала ему: стоит оставить их без присмотра, и они непременно что-нибудь натворят. Лучше уж держать их под боком.

Перед самым уходом маленький птенец Паосяо прижался к Цзян Чаншэну, не желая отпустить. Рыжий кот в сторонке победно задрал хвост.

Эр Пан прищурился, демонстрируя превосходство.

— Ну, смотри, — лениво облизнувшись, сказал он хаски. — Я же говорил: их триумф будет недолгим. Какой бы милой ни была новая игрушка, разве сравнится она с преданностью старого кота?

— Верно говорят: одежда хороша новая, а друзья — старые. Победа за нами, — поддакнул Сань Ва.

Перед выходом хомяк набил защёчные мешки едой так, что они раздулись до невероятных размеров, а в лапки подхватил узелок размером с небольшую гору.

Когда Сыту Ибай и другие практики Врат Божественного Расцвета добрались до закуской, Цзян Чаншэна там уже не было.

— А где лавочник? — спросил кто-то.

Дань Синьцзэ вышел поприветствовать гостей, не скрывая сожаления:

— Хозяин отлучился по делам. Вернётся сегодня к вечеру или завтра утром.

— Значит, сегодня мы остались без его шедевров?

— Ну почему же. У нас остались рисовые пирожные, клеточки из клейкого риса, двойное молоко и таньюань с османтусом. За остальным придётся подождать возвращения лавочника.

— Что ж, и это неплохо, — ответила Сыту Ибай. Она уже знала, насколько вкусна здесь даже самая простая еда и как она насыщена духовной энергией.

Практики расселись за столы. Новички с любопытством оглядывались, отмечая изящество обстановки, тонкий аромат благовоний и даже скрытые охранные массивы вокруг здания. Каждый втайне пытался угадать, кто же на самом деле стоит за этим местом.

Внезапно один из них заметил грудку вещей в углу и, указав на сумки и артефакты, спросил:

— А это что такое?

— Вышла небольшая заминка. Лавочник забрал это у зверя. Если здесь есть ваши вещи — можете забирать.

«Неужели лавочник сражался со зверем сотни раундов, отбил награбленное и теперь просто ждёт законных владельцев?» — пронеслось в головах практиков. В их глазах образ хозяина закуской мгновенно вырос до небес. Какой благородный, честный и бескорыстный человек!

Вдруг кто-то присмотрелся к знакомому одеянию.

— Слушайте, а ведь это даосское платье мне кажется знакомым...

— Погодите, это же та самая мантия защиты от воды, которую шисюн Хаоин носил на днях! Что она здесь делает?

— Но он же говорил, что победил зверя... Неужели...

— Кха! — Мин Хаоин напустил на себя суровый вид. — Не смейте строить глупых догадок! Это не моя мантия. Мало ли в мире похожих вещей?

— Вот как?

— Именно.

Мин Хаоин смотрел на свою сумку и артефакты, сиротливо лежащие в углу. Его лицо оставалось бесстрастным, но в душе он горько рыдал.

В это время Цзян Чаншэн и Цюнци стремительно летели по небу. Позади них три «неразлучных» зверька уже затеяли драку, не поделив остатки еды.

Динь-дон!

Система оповестила, что количество людей, выполнивших задание, снова увеличилось. На душе у Цзян Чаншэна стало светлее.

Тёплое солнце заливало бескрайний мир, а лёгкий туман укрывал землю полупрозрачной вуалью. Вдали, на самом краю горизонта, в облаках то и дело проступали очертания величественных горных пиков.

<http://bllate.org/book/17549/1713852>